

Вадим Десятниченко

НАСИЛИЕ

Вадим Десятниченко

Насилие

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Десятниченко В.

Насилие / В. Десятниченко — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Найджел, Гарольд и Карма — обычные люди. Такие же, как мы с вами. Но кто сказал, что «обычные люди» не могут стать образцом настоящего насилия? Нью-Йорк. 2017-й год. Лучшее время и место для того, чтобы жить счастливо. Но они не могут. И у каждого на это своя причина: одиночество, зависть, неразделенная любовь.. Думаете, что вы никогда не переступите черту? Они тоже так думали. Но у жизни на нас свои планы.

Содержание

ЧАСТЬ 1. НЕВЗРАЧНАЯ ИСТОРИЯ	6
НАЙДЖЕЛ	6
Глава 2. Золотые акулы	7
ГАРОЛЬД	10
НАЙДЖЕЛ	13
Глава 5. Интрижка	15
ГАРОЛЬД	18
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Посвящается Софье Лобас, вдохновляющей меня на творчество.

Благодарю Валерию Алексееву, Екатерину Дранникову, Егора Митькина, Елизавету Руф и Кристину Янушкевич за неоценимый вклад в написание данной книги.

ЧАСТЬ 1. НЕВЗРАЧНАЯ ИСТОРИЯ

НАЙДЖЕЛ

Глава 1. Начало конца

*Разрешая проблему насилем, ты оказываешься
перед лицом еще большей проблемы
Уильям Пол Янг*

Ноябрь.

Я стою в тени, разглядывая сидящего напротив меня человека. Тишина. Спокойствие. Умиротворение. Я концентрируюсь, как перед началом забега. Одна цель. Она привязана к стулу веревкой, которую я выбрал специально для такого случая – красная, статическая (непредназначенная для рывков и переменной нагрузки). У меня пересохло во рту. Стул тоже подобран крайне избирательно: деревянный, крепкий, тяжелый. Думаю, он сделан из дуба. Все готово. Трон для павшего бога.

Тусклая лампочка едва освещает половину помещения. На улице слышны удаляющиеся шаги. Я смотрю на человека. Меня подташнивает. Наверное, это остаточный эффект внутренней борьбы. Трудно сказать. Одержана победа над моим старым «Я», и мне пора забрать приз.

Я делаю шаг. Ощущение, будто плыву. В этот момент я вспоминаю, как все в школе смеялись над моим избыточным весом.

Еще шаг. Другое воспоминание: девушки в колледже не хотели со мной встречаться из-за моей излишней худобы.

Человек начинает нервничать. Я тоже. Расстояние между нами постепенно сокращается. Снимаю черный мешок с его головы. Смотрю ему в глаза. Такое ощущение, что он видит чудовище. Как я его понимаю: в отражении его глаз я вижу то же самое.

– Хм... хочешь сказать что-нибудь напоследок? – произнес я.

Я не узнавал свой голос. Он был сильным и сдавленным от волнения.

– Ммм...

Вспоминаю, что у него завязан рот. Убрал повязку, я делаю еще одну попытку.

– Твои последние слова?

– На моем месте должен сидеть ты! – в отчаянии ответил пленник.

– Какая неоправданная жестокость, – парировал я, – и почему же?

– А ты не знаешь?

В глубине души я знал.

Вернув повязку на место, я крепко беру его за плечо левой рукой. Удар...

Глава 2. Золотые акулы

Май.

Сорок девять, восемьдесят четыре. Уже неплохо, но мне нужно больше. Люблю круглые числа.

Сорок девять, девяносто два. Предвкушение успеха порой слаще его самого. Я понял это еще в детстве, когда выбил себе свидание с самой красивой девчонкой в школе, не зная, что у нее галитоз, который она заглушала жвачкой.

Сорок девять, девяносто семь. Пора закрывать. Но я – перфекционист. Перфекционизм – это попытка сделать мир совершенным хотя бы на уровне собственного стола. Также закрыть позицию мне не позволяет алчность. Не важно, что это смертный грех. С вырученных денег я заплачу Господу штраф.

Сорок девять, девяносто восемь. Глава федерального резервного рынка выступает с докладом. Участники жадно внимают данные о росте занятости и заработной платы в США. Но мне абсолютно плевать на подобное.

Сорок девять, девяносто девять. Напоминает цену в магазине. Ну же! Еще чуть-чуть!

Сорок девять, восемьдесят! Твою мать! Ладно, пятнадцать тысяч у меня уже есть.

Биржа – удивительная штука. Торгуя на ней, человек может рискнуть всем своим состоянием ради пары долларов, которых ему не хватит даже на обед. Но сегодня я снова на высоте! Чувствую себя Наполеоном, когда он держал в кулаке всю Европу.

Стоило добиться независимости для своего отдела, как дела пошли в гору. Для этого пришлось около месяца льстить Ральфу Грину – моему директору.

В один из вечеров, когда почти все сотрудники оказались в минусе, я и еще несколько человек заработали по десять процентов. Я заказал для нашего великого, обожающего зеленые галстуки, болезненно худого, нервного, похожего на азавака босса огромную пиццу. Когда компания терпит убытки, наш песик любит много и вкусно поесть. Особенно пиццу в одном из его любимых мест.

Я расплатился с курьером, подкинул ему щедрых чаевых и забрал пиццу. Эта громадина была размером с лайнер!

С пиццей я направился к роскошному кабинету босса. Мои голодные коллеги с завистью и злобой смотрели на меня: засранца в новой рубашке с золотыми запонками, огромной пиццей и раздувшимся после получения огромной прибыли эго. Если бы мы работали в Древнем Риме, то мои коллеги закололи бы меня кинжалами и заложили в фундамент общественной бани. Но мы в двадцать первом веке – веке толерантности. В веке всеобщей терпимости. В веке комплексов и разврата, которые порождают еще больше комплексов.

Я попросил одного из завистников, имени которого не помнил, открыть для меня дверь. Он недовольно посмотрел на меня. Если бы у него был выбор: открыть для меня дверь или устроить оргию для двенадцати наркоманов с его сестрой, то он бы спросил «Что ей надеть?».

Я проник в самое сердце нашего офиса – в обитель Ральфа Грина. Он даже не обратил на меня внимания. А я, между прочим, его лучший сотрудник. Было видно, что он на взводе.

Достаточно было произнести хоть одно слово, и одиннадцатое сентября показалось бы всем вокруг игрой в песочнице. Но я был готов к этому и решил, что пицца разрядит обстановку лучше всяких слов.

– Мистер Грин, здравствуйте! У меня к вам выгодное предложение...

– Томпкинс, мать твою, только не говори, что ты опять решил заговорить о независимом отделе!

– Вовсе нет!

– погоди, что это там у тебя в руках? – он не сразу заметил мой дар в картонной коробке.

– А, вы про пиццу... это вам!

Я протянул ему холестериную бомбу диаметром с ракетную шахту. Ральф тут же выхватил ее и попытался разорвать бечевку, которой была перемотана коробка. Наконец-то он обратил внимание на бантик.

– Что за дебилый бант? Это пицца для педиков?! Еще и развязать не могу!

Он был похож на узника концлагеря, которому дали банку консервов, но не дали нож. Клянусь, не помоги я ему с этим бантом в этот же момент, он бы разорвал коробку голыми руками.

– Конечно нет! Это подарок для лучшего клиента Pizza of Galaxy! – я приложил все усилия, чтобы скрыть саркастичные нотки в этих словах.

Я понимал, что пока он пожирает пиццу, он доволен. А значит у меня есть немного времени, чтобы начать приводить свой план в действие.

– Мистер Грин, я предлагаю вам создать независимый отдел по торговле на фондовом рынке. Вы спросите: «какая мне выгода?». Он принесет вам кучу денег! Минимум сто тридцать процентов в год с текущими объемами торгов.

– И ты хочешь его возглавить, верно?

Ральфи говорил со мной, но смотрел только на пиццу. Даже сейчас он вел себя как собака, поскольку не мог сфокусироваться на двух и более вещах одновременно.

– Ладно, черт с тобой, посмотрим, что из этого выйдет. Но если ваша шайка не оправдывает себя, то готовься к увольнению с приличным штрафом. Который ты, Найджел, отдашь лично мне! А теперь уходи. Мне нужно побыть одному.

Боже, храни чревоугодие!

Я собрал себе отличную команду: Боб Крэник, Шон Везерс, Алан Рэйн. Моя звездная команда. Уверен, что их имена не знают даже в отделе кадров, но акулам не нужны бейджи. На протяжении следующих двух месяцев мы показывали стабильный доход в двадцать процентов.

В один из дней, не дождавшись закрытия рынка и окончания рабочего дня, мы решили пойти в бар. Проходя по этажу мимо других сотрудников, мы понимали, что им предстоит пахать еще часов пять, тогда как мы сделали их месячный доход за половину трудового дня. Овцам нужен пастух. Акулам нужна добыча в лице огромных процентов, пива и кокаина.

Спускаясь на лифте, мы внимательно рассматривали молоденькую девушку, что устроилась администратором пару дней назад. Оказавшись в замкнутом пространстве с четырьмя озабоченными мужчинами она пожалела, что не одевается как мусульманка. Девушка выбежала из лифта, едва открылись двери. Я понимал, что мы ведем себя как последние сволочи. Очень хотелось догнать ее и извиниться, но быть заносчивым красавцем мне определенно хотелось больше. Эта дура сама виновата, что провоцирует мужчин на такое отношение к ней.

Минуту спустя, оказавшись на тротуаре, я пожалел, что не могу носить кондиционер с собой – на улице стояла невыносимая жара. Мы сели в такси. Я и Алан – в одну машину, а Боб и Шон – в другую. Мой водитель попросил отгул, поэтому весь день я ругался с водителями-пакистанцами. По дороге в бар я внимательно наблюдал за своим отражением в боковом стекле автомобиля: двадцатисемилетний парень, уставший от жизни и панически желающий пробить стекло головой и провести осколком по шее.

Оторвавшись от своего отражения, я обратил внимание на Алана. Он был напряжен. Обычно мне наплевать на чужие проблемы, но сегодня я был на высоте, поэтому мог позволить себе немного сентиментальности:

– У тебя все в порядке?

– Да, конечно, а что такое?

По его взгляду я понял, что ему есть, что сказать, но сейчас из него ничего не вытянешь даже пытками.

– Алан, ты сегодня поднял больше нас всех вместе взятых, за что я тебе благодарен. Я вижу, что ты что-то скрываешь, но если за тобой не охотится Комиссия по ценным бумагам или ФБР, то можешь не говорить. Пока что.

– Спасибо, Найджел.

Через полчаса мы оказались на месте. Мы заплываем в наши уголья. Шон, как всегда, отпугивал от себя официанток. Пока мы ждали напитки, Алан подал голос:

– Парни, я ухожу... – произнёс он, почесав правой рукой затылок.

– Сейчас уже принесут пиво, потерпи! – Шон был навеселе. – Эй, дамочка, двигай булками быстрее!

Он привстал, жестами указывая на наш стол.

– Я говорю не про бар, парни. Мы с женой переезжаем в Портленд. Она открывает там свой салон. Не знаю, как ей это удалось, но я должен быть рядом.

– Неплохо для юной дамочки, – усмехнулся Боб.

– Зачем ей сдался этот салон? – слова Алана не укладывались у меня в голове. – Ты поднимаешь по сто тысяч в месяц, она ведь может просто сидеть дома!

– Парни... это ее мечта с детства: открыть свой салон красоты, делать людей красивее! Разве я могу ей помешать?! Я люблю её!

– Тряпка, – произнес я шепотом.

– Как насчет нашей команды, Алиен? – Алан приехал с Западного побережья и поэтому Шон специально искажал его имя время от времени, просто чтобы позлить.

– Мы можем работать через интернет, видеоконференции и прочее! Обещаю, все останется как прежде, – он явно был на взводе.

Я перехватил пиво у подходящей к нам официантки, встал и прокричал:

– К черту все! Семья Рэйнов делает шаг в новую жизнь. Давайте отпразднуем это замечательное событие!

В душе я считал его предателем нашей маленькой армии.

– Спасибо, дружище! – Алан приободрился и первым поднял кружку, – сегодня я угощаю!

После домогательств к официанткам и драки с охранниками (мы стояли и курили рядом, пока Шона били ногами) нам пришлось перебраться в пиццерию. После всего выпитого меня потянуло на философские разговоры.

– Как вы думаете, почему людей привлекает религия?

– Потому, что они хотят попасть в рай? – произнес Алан с легким сомнением.

– А ты что думаешь? – я повернулся к Бобу.

– Я думаю, что тебя начало отпускать. Подлить тебе виски в кофе?

Шон спал за столиком, поэтому к нему у меня не было вопросов.

– Парни, мне пора, большое спасибо за понимание и поддержку! Я обязательно позвоню вам, как приеду! – Алан встал из-за стола и ушел.

Но он так и не позвонил.

ГАРОЛЬД

Глава 3. Катализатор

Июль.

Освещение комнаты позволяет мне оставаться в тени и в то же самое время все видеть. Люди. Много людей. На Земле семь с половиной миллиардов человек, а меня раздражает компания из двенадцати. Приглашение на вечеринку пришло мне почти перед самым ее началом. Скорее всего, хозяин квартиры долго колебался: стоит ли ему приглашать меня вообще?

Кондоминиум находится в центре города. До нужной квартиры я поднимался на лифте дольше, чем мой приятель на Эверест три года назад. Попав внутрь, я поприветствовал хозяина квартиры, имя которого никак не мог вспомнить, и сделал вид, что рад приглашению. В квартире стоял приятный полумрак: люди могли видеть друг друга, но при этом оставалось ощущение таинства.

Гости активно пьют. Полуголые девушки накаляют атмосферу своими откровенными танцами. Душно. Музыка долбит настолько сильно, что стакан в моей руке дребезжит. Обычно я не пью, но порой алкоголь – единственный способ для того, чтобы все от тебя отстали.

Из всего ассортимента я выбрал виски. Дешёвый виски. Очень дешёвый виски. И не потому, что я извращенец. Дело в том, что остальные пьют вино. Напиток, который полагается любить всем от двадцати до тридцати пяти лет, потому что так надо. В нашей компании всем нет и тридцати. Я не пью его с тех пор, как в школьном возрасте узнал от проповедников, что вино – это кровь Христа. Это, конечно, замечательно, но каннибализм никогда меня не привлекал. Поэтому я, самый желанный гость на этой вечеринке, прошу хозяина дома что-нибудь придумать. Ругаясь в сердцах, он нашел мне «друга» на этот вечер. Того самого дешевого и мерзкого друга. Его послекусие отторгает. Я пытаюсь делать маленькие глотки и смаковать во рту, словно напыщенный аристократ в поместье за сто миллионов евро где-нибудь к северо-востоку от Лондона. Не помогает. Попробовал выпить залпом – стало еще хуже. Меня подташнивает, хочу выйти. Но мне помешали.

Помеха была брюнеткой. Элегантной. Стройной. Изящной. Она была невысокого роста, но с помощью каблучков старалась быть наравне с длинноногими моделями. С теми самыми моделями, которые сейчас полупьяные лежат на диване и слизывают «кровь Христа» с груди друг друга.

Я заметил ее в гостиной у стены. Оказалось, что она уже смотрела в мою сторону. Семь шагов разделяло меня и чарующую незнакомку. Семь. Мне немного не по себе. Шесть. Может, она просто пройдет мимо? Пять. Все в порядке. Я же мужчина. Четыре. Пожалуйста, убейте меня! Три. Сделай вид, что тебе все равно. Два. Отвернись, как будто она тебя не волнует. Один. Уже поздно. Она садится мне на колени и смотрит в глаза. Я хочу выйти, срочно! Но не подаю виду.

– Я раньше тебя здесь не видела. Ты впервые в гостях у Анхеля? (я вспомнил, как его зовут, но после этой вечеринки меня все равно больше не приглашали) – спросила она.

– Да, мы познакомились пару дней назад. Я помог ему с машиной.

– Но у Анхеля нет машины...

– Была, пока она случайно не оказалась в реке, – слегка улыбаясь, отвечаю я, – страховщики не поверили, что машина просто хотела научиться плавать.

Я изобразил плавающую рыбу. Она засмеялась. Кажется, я отлично справляюсь с внутренней неловкостью.

– А ты милый. Как тебя зовут?

– Гарольд.

– Очень приятно, Гарольд. А меня Карма.

– Необычное имя. Откуда ты?

– Ты здесь один? – спросила Карма, проигнорировав мой вопрос.

Началось...

– Да.

– Почему?

– Мне трудно найти с кем-то общий язык.

– А по-моему, у тебя отлично получается, – она прикусила нижнюю губу, – есть еще оправдания?

– Возможно, потому... – я замялся, – потому что я много времени провожу в гараже.

– Заботишься о своей красавице?

– Ммм... да, именно.

– Обожаю тачки.

Кто бы сомневался.

– Ну, теперь-то я не один? – спросил я, подняв на нее взгляд.

Но она не ответила.

Казалось бы, все складывалось неплохо, но неожиданно она встала и ушла в толпу. Я испытал облегчение и разочарование одновременно. Что я сделал не так? Нужно понять, что ее спугнуло.

Не прошло и минуты, как я нашел причину своей неудачи: Найджел Томпкинс (единственный человек, имя которого я помню).

Обаятельный, умный, богатый и молодой парень со спортивным телосложением. Темно-синий костюм на нем смотрелся, как вторая кожа. Я точно ему не чета. Это раздражает. Я чувствовал себя как больной раком, которому врач пообещал скорейшее выздоровление, а через день позвонил и сказал, что перепутал его медицинскую карту с картой другого пациента. В подобных волнительно-разочаровывающих ситуациях меня тошнит. Данный случай – не исключение.

Она уходит от него, спустя пять минут. Этот факт меня радует. Значит, этому выскочке не все дозволено. Я вышел на улицу и пошел домой.

Меня невероятно взбесило поведение этой брюнетки. Проходя по темным улочкам, я мечтал о том, чтобы кто-нибудь спровоцировал меня на конфликт. Если нападет грабитель с ножом, то я увернусь от удара, схвачу его руку, держащую нож, и воткну ему в область ключицы. Еще один удар я нанесу ему в область шеи. Нанесенные раны ослабят его хватку, поэтому придется доделать работу самому: я выхвачу нож и буду наносить удары в голову, пока от него не останется кровавое месиво.

Я упал! Опять слишком сильно погряз в свои мысли. Я негромко выругался, встал, попытался отряхнуться и пошел дальше. Мимо проходит полицейский. Он смотрит на меня с презрением. Мне неловко. Вдруг он подумал, что у меня есть что-то запрещенное.

Через час я уже был в своей постели. Кажется, будто уже протрезвел. Рассматривая узоры на потолке я думал о Карме и впадал в депрессию. Тяжело осознавать, что всю жизнь ты активно барахтаешься, пытаешься наладить отношения с людьми, учишься более десяти лет. Потом идешь работать в поте лица, но с каждым днем, с каждой минутой, с каждой секундой ты всё больше ослабеваешь, а дно становится ближе. Но стоит всего на секунду прекратить борьбу, как внешнюю, так и внутреннюю – как тебе конец.

Она была так близка. Я не просил ее подходить ко мне, но она это сделала. Ее невинный флирт стоил мне недюжинных страданий. Почему я не могу ничего добиться? Что со мной не так? Кто позволил ему быть лучше меня? Я ненавижу человека, которого видел всего раз. Хочу размозжить ему голову молотком, просверлить колени дрелью и бить по ребрам бейсбольной битой. Возникает странное чувство в области груди: будто кто-то поджег напалм. Я

горю изнутри, меня распирает злоба. Я хочу убить кого-нибудь. Хотя нет, убить конкретного человека. И его имя Найджел Томпкинс.

Я проснулся рано утром. Потянувшись, я сразу же вспомнил о своих травмах. Они всегда возвращаются ко мне с пробуждением. Утренний завтрак доводит меня до тошноты. Умывшись, я надеваю черный спортивный костюм из полиэстера. Направляюсь к выходу. Проходя мимо полки с фотографиями, я впервые за долгое время обращаю внимание на то, что они повернуты ко мне тыльной стороной рамки. Я вспомнил, почему так сделал, и положил их изображением вниз.

Я доехал до гаража на автобусе. Как иронично: есть большой гараж, но нет даже намека на автомобиль. Я открыл ворота и быстро зашел внутрь, незамедлительно закрыл их за собой на две защелки. В полнейшей темноте нащупал кнопку выключателя.

Тусклая лампа с трудом освещала помещение. Каждый раз я чувствую удовлетворение от встречающей меня картины: чистое, аккуратное помещение с большим шкафом у стены. В самом центре стоит манекен. Я купил его всего неделю назад, но он уже изрядно потрепан. Я открыл шкаф и достал железную битку, предназначенную явно не для бейсбола. Медленно подхожу к манекену и прикрепляю к его голове фотографию, сделанную мною тайком при уходе с вечеринки. Я наношу сокрушительный удар по голове и манекен тут же трескается в области виска. Я хочу еще. После второго удара шея надламывается и голова отпадает. Это зрелище вводит меня в исступление. Я наношу беспорядочные удары по туловищу, пока от него не остаются кусочки пластмассы, и кричу изо всех сил. Чем больше злобы проникает в мою душу, тем сильнее я хочу крови. Перевернуть свой внутренний, а, может быть, и реальный мир. Разрушить иллюзорную разницу между людьми. Уничтожить мнимое равенство, при котором сильный не может подавлять слабого, но слабому дозволено все, потому что это решили другие слабые.

Я готов.

НАЙДЖЕЛ

Глава 4. Потеря

Сентябрь.

Шестьдесят три. Все будет хорошо, это временно. Шестьдесят пять. Мной овладевает паника. Я теряю деньги, сыграв на понижение, но рынок еще может развернуться.

В кабинет врывается Боб с криками:

– Шона задержали по подозрению в изнасиловании!

Семьдесят.

– Подожди, – в стрессовых ситуациях я стараюсь сохранять хладнокровие, – откуда ты узнал?

– Он сам мне позвонил, попросил найти ему адвоката!

– Тебе известно, что именно он натворил?

Я понимаю, что наша команда стремительно рушится.

– Я почти ничего не смог расслышать через его рыдания...

– Подожди, мы сейчас говорим о Шоне? Рыдал?! – я был шокирован. – Тогда все действительно очень плохо, прости, продолжай.

– Насколько я понял, вчера он снял себе девчонку и здорово переборщил, – у Боба тряслись руки, – сейчас она в больнице.

– Похоже, мы остались втроем, – обреченно сказал я, – Гарольд со мной до конца. А ты? Ты же меня не бросишь?

– Прости, Найджел, я ухожу. Мы притягиваем к себе несчастье. Слышал, что случилось с Аланом? – Роберт был на грани истерики.

– И что же?

– Его и Джин нашли убитыми в собственной квартире! Какого черта он поехал в Портленд?!

– Идея Джин и Алана была довольно бредовой, поэтому неудивительно. Все будет хорошо, доверься мне! – я откровенно напирал на Боба.

– Извини, нет. Прощай.

Он закрыл за собой дверь. Его шаги слились с шумом на этаже. Теперь придется переезжать в кабинет поменьше.

Сегодня я решил уйти еще раньше, чем обычно. Необходимо было все обдумать. Я решил пройти пешком столько, сколько смогу. Испытывая на себе всю ненависть палящего солнца, ощущая капельки пота, что впитывались в ткань моего костюма, я шел дальше.

На своем пути я встречал разных людей. Мужчина вышел из церкви и плюнул попрошайке в стаканчик с мелочью. Я видел, как сбили пожилую женщину, которая переходила дорогу на зеленый сигнал светофора.

Слева от себя я заметил сидящую на скамейке девушку. Из-за слез у нее потекла тушь. Я купил две бутылки воды в магазинчике неподалеку и подошел к ней. Когда я наклонился и протянул бутылку, она испугалась и попыталась вытереть заплаканное лицо. Бедняжка забыла о том, что находится на улице, где полно народу. Она достала из сумочки салфетку и стала приводить себя в порядок. Я смотрел на нее, не моргая. Мне было жаль ее. Я непреодолимо хотел помочь. Помочь незнакомому человеку. Я решил спросить о ее проблемах, но она заговорила первой:

– Спасибо, мистер.

– Перестань, какой я тебе «мистер»? – спросил я с усмешкой. – Наверняка, я старше тебя всего на несколько лет.

– Мне двадцать.

– Что ж, на восемь лет, но это неважно. Как тебя зовут?

– Эмми.

– Очень приятно, а меня зовут Найджел. Что случилось?

– Ничего... все в порядке, просто сильно устала.

– Эмми, обычно, когда люди устают, они идут домой, а не рыдают на улице. Ты милая девушка, и я хочу помочь, вот и все.

– Меня... – она снова зарыдала, – меня бросили! Человек, которого я любила четыре года, бросил меня!

Я снова зажег фитиль.

– И это все?

– Что значит «все»? – она возмутилась. – Мою любовь растоптали. Вам нужно что-то еще?

– А я никогда никого не любил, что из этого хуже?

В миг ее лицо изменилось. Она поняла.

Я похлопал ее по плечу и еще раз посмотрел в ее большие глаза изумрудного цвета. Я получил то, что хотел. Она успокоилась. Пора навестить Шона.

Но я не успел.

Он покончил с собой в камере. К нему никто не приходил. Он был в одиночке. Но был один телефонный звонок. Кто же ему позвонил?

Глава 5. Интрижка

Октябрь.

У меня выходной. Мы с моим другом, Гарольдом (на нем белая рубашка с мелким узором, брюки баклажанового цвета и классические черные туфли), идем в бар.

Вчера я заработал двадцать тысяч долларов на сделке. От этого я слегка подавлен, поскольку хотел заработать сорок. Мы едем на новенькой BMW, за рулем мой шофер – Келли Блэкси. Дурацкое имя, однако это не мешает ему превосходно водить машину.

Оказавшись на месте, мы садимся за столик и заказываем выпить. После первой стопки я обращаюсь к Гарольду:

– Как ты думаешь, почему людей привлекает религия?

– Ммм... наверное, потому что они не хотят быть одинокими. – ответил озадаченный

Гарольд. – А какие у тебя мысли на этот счет?

– Ты действительно хочешь это знать?

– Да, конечно.

– Мое мнение: человек хочет быть частью чего-то большего. Библейские мотивы опьяняют. Представь: вся твоя жизнь становится оправданной. Все это – испытание Божье, независимо от того, сколько ты проживешь. Доживая свой последний час, ты будешь знать, что это – часть большого плана.

– Но ведь люди сами могут ставить себе цели и добиваться их на протяжении всей своей жизни? – возразил Гарольд.

– Да, но это сложно. Много ли людей живут своей мечтой? Два-три процента? Например, ты, Гарольд. У тебя есть мечта?

– Есть одна, – смущенно ответил он, – но я не хочу о ней говорить.

– Дело твоё.

– Найджел, мне интересно твое мнение по одной теме... – замямвшись, сказал Гарольд.

– Ну же, не томи, скоро принесут еще выпить, – я всячески подталкивал Гарольда к разговору.

– Я заметил одну интересную вещь, – он слегка подался вперед, переживая, что нас услышат за другими столиками, – люди всю жизнь работают за еду и кров, чтобы просто умереть позже других...

– Подкину еще пару центов в твою мысленную копилку, – в этот момент я достал несколько монет из внутреннего кармана пиджака (я всегда ношу пару монет в костюме) и положил их на стол, – меня мучает вопрос: зачем молодые пары заводят детей, не имея должных средств и жизненного опыта? – я медленно двигаю одну монетку в сторону Гарольда. – Чтобы обречь их на жизнь, полную бессмысленной суеты и катастрофического безденежья. А потом узнать, что их ненаглядный сынок уже успел попасть в кучу передряг и умереть от передозировки на своей съемной квартире из-за багажа комплексов и проблем?

– Зачем вообще жить, если у тебя нет цели? К чему так долго мучиться, страдать от болезней, терпеть других, когда можно избавиться от всего этого с помощью обычной веревки?

– Верно, – я активно поддерживал диалог, но понимал, что полное осознание сказанного Гарольдом придет ко мне позже, – я считаю, что цель должна быть правильной. Часто люди, которые решают уйти из жизни, уходят лишь потому, что добились желаемого, добились той «цели», к которой шли, и им больше нечего делать. Все просто.

– А разве умереть рано, сделав все, что хотел, плохо? – Гарольд впервые за пять минут посмотрел мне в глаза. Мне стало не по себе.

– Даже не знаю... – я задумался. – Многие боятся оставить любимых людей в одиночестве. Они действительно любят. Им нравится, что хоть кто-то не одинок, даже если ради этого приходится отдавать всего себя.

– Я считаю, что такое поведение отражает всю эгоистичную натуру человека, – Гарольд начал активно спорить из-за спиртного, – они просто не представляют жизнь других людей без себя. О нет! «Как же я буду жить без своего любимого? Без моего милого Чарли?!» Да свободно она будет жить! Возможно, она специально романтизировала кончину бедного Чарли, чтобы утешать себя с другим мужиком.

– Может, ты и прав, не знаю.

Я не поклонник философствования на различные темы, но не потому, что не люблю это делать, а потому, что в ответ на мои суждения слышу либо простое одобрительное мычание, либо полное непонимание того, что я хочу донести до собеседника. Но с Гарольдом я мог говорить о чем угодно: о политике, о религии, об испорченности современного общества. То есть о нашей испорченности.

Пообщавшись на разные темы еще час, выпив еще пару стопок, мы направились к выходу. Неожиданно я заметил Карму. Черное короткое платье, подчеркивающее грудь и талию. Соблазнительные лодыжки. Обожаю женские ноги. При взгляде на нее во мне просыпается голод. Да, она определенно хороша. Она идет в нашу сторону. Не обращая на меня никакого внимания, она заводит разговор с Гарольдом. Это меня раздражает, но я пытаюсь не подавать виду. Гарольд выглядит обескураженно, в то время как она шепчет что-то ему на ухо. Карма целует его в щеку и уходит. Даже не попрощавшись со мной. Мы встречаемся уже полтора месяца, но эмоциональной отдачи от нее так и нет. Когда она начала проходить мимо меня, я попытался приобнять ее за талию, но в ответ услышал лишь «Не сейчас». Она ушла.

– Ладно, давай я подвезу тебя, – сказал я Гарольду, положив руку ему на плечо.

Он кивнул, мы вышли из бара и сели в машину. Далее последовал крайне неприятный диалог, инициатором которого на этот раз был не я:

– Ммм... Вы с Кармой давно вместе? – смущенно спросил Гарольд.

– Месяца два, а что?

– У вас все хорошо?

– Если честно, то понятия не имею. Мы познакомились на вечеринке у Анхеля, встретились через пару дней. С тех пор мы спим, немного разговариваем на нейтральные темы, и она уезжает домой. Домой... Я даже не знаю, где она живет!

– Хм... извини, не нужно было мне начинать разговор на эту тему.

– Все в порядке, такой расклад вещей меня устраивает. Вполне.

Я соврал.

– Что ж, тогда ты... ммм... счастливчик.

– В некотором роде да, – звучит надменно.

– Спасибо, что помог мне с назначением на должность аналитика.

– Перестань. Мы же друзья! Помню, как мы встретились с тобой впервые, когда ты с потеряннным видом, шурясь (Гарольд имел плохое зрение, но не носил очки из принципа) искал нужный тебе офис!

– Да, вот уж совпадение.

– Позволь узнать, о чем вы шептались в баре? – я решил не откладывать данный вопрос на потом.

– Мы? Да ни о чем... она спросила про машину, – Гарольд был краснее моего галстука.

– Но у тебя же нет машины?

Воцарилась тишина. Гарольд не издавал ни звука. Он просто сидел неподвижно, уставившись в боковое стекло. Мы доехали до его дома, но он так и не ответил на мой вопрос.

Мы попросились и Келли отвез меня домой. Войдя в квартиру я закрыл дверь и завалился на пол. Я чувствовал, как краснею от злости, меня буквально раздирало бессилие. На это было несколько причин, например – поведение Кармы, которое буквально убивало меня. А еще эти неудачные сделки... Меня скоро вышвырнут из фирмы.

Я устал врать. Проще сказать знакомым, что у тебя все хорошо. Их сразу раздрает зависть, и они оставляют тебя в покое. Людям нравится, когда другим плохо. Сразу хотят выручить, ведь «как же не помочь ближнему своему?». Но на деле они никогда не помогают. Каждый совет поразительно прост. Проблемы в отношениях? Смени партнера! Проблемы на работе? Смени работу! У тебя опухоль в мозге? Все будет хорошо! Нет. Не будет. Это как говорить утопающему: «Не тони!».

Одиночество. Чувство полной пустоты как внутри, так и в окружающей меня квартире. Моя жизнь, как номер: внутри все всегда одинаково, а люди разные.

Я зашел в ванную комнату и посмотрел в зеркало. Передо мной искаженное лицо с красными глазами. Я в истерике. Мне не хватает воздуха. Нужно выйти подышать. Распахнув дверь на балкон, я вдыхаю поток свежего воздуха. Глубоко. Становится легче. Раздраженность уходит. Я иду в спальню. Снимаю верхнюю одежду. Ложусь. Мое тело обдает прохладой. Я погружаюсь в сон.

ГАРОЛЬД

Глава 6. Соблазн

Октябрь.

Карма предложила мне встретиться завтра вечером в ресторане неподалеку от ее работы. Она была подружкой Найджела, поэтому мне было не по себе. Я чувствовал, что между нами есть какая-то связь.

Я понимал, что мы не можем быть вместе, но каждый раз якобы случайно оказывался рядом и помогал при первой возможности. Следил за ее бедрами, когда она наклонялась или шла спереди. Держал руки в карманах, когда она подходила слишком близко. Упивался ее запахом. Осознавал катастрофичность последствий в случае, если предам друга. Уволюсь! Заберу ее силой с собой! Уеду с ней туда, где убивают за пресную воду! Я хочу этого.

С одной стороны, я хотел Карму, с другой – ненавидел. Похоть борется с гневом. Желание бьется с разумом. И сегодня я узнаю, кто победит.

Я пришел на пятнадцать минут раньше назначенного времени. Занял столик в центре зала. Год назад я прочитал в одной книге, что если начнется стрельба, то последние столики – самые безопасные. Конечно, при условии, что у тебя есть пистолет. Я нервничал. Очень.

Заказал себе пиво.

Осталось 5 минут до встречи, пива нет.

Четыре минуты. Я отбиваю пальцами мелодию, которую услышал по радио в такси. В детстве я хотел стать пианистом, но соседская собака прокусила мне два пальца левой руки. Нервные окончания не пострадали, но фантомные боли поставили крест на моей мечте. Напряжение нарастает.

Три минуты. Меня посещают странные мысли, что нужно уйти. У нее уже есть мужчина, а мои принципы не позволяют мне встречаться с людьми в отношениях. Скоро восемь, наверняка она передумала, просто была навеселе и хотела позлить Найджела.

Две минуты. Приносят пиво, я выпиваю залпом и выдыхаю. Мне стало лучше.

Карма опоздала на полчаса. Она прекрасна. Осмотрев зал и увидев меня в центре, она слегка улыбнулась и направилась ко мне. Мне страшно, как при первой нашей встрече.

– Привет, Гарольд.

– Здравствуй, Карма, – ощущение, будто на грудь положили балку, – прекрасно выглядишь!

– Спасибо, ты тоже, – она скрестила руки.

– Ты не голодна?

– Если честно, очень, – она покраснела, чему я очень удивился, – я не ела весь день!

Поймав взгляд официанта, я жестом пригласил его к нашему столику. Он записал заказ и обратился к Карме:

– Что вы будете пить?

– Вино, красное. А ты, Гарольд?

Официант вклинился совсем не вовремя:

– Вам повторить пиво?

Маленький засранец. Возникло чувство, будто мои пожилые родственники допрашивают меня о личной жизни.

– Спасибо, нет. Пожалуй, я тоже буду вино.

После того, как официант принял заказ и ушел, я решил идти напролом:

– Как у вас с Найджелом?

– Тебе это действительно необходимо знать? – она смутилась настолько, будто они были с ним брат и сестра, а я не вовремя зашел к ним в комнату и увидел, как они занимаются сексом.

- Конечно, он же мой друг. А я сижу в ресторане с его девушкой.
- Мы не вместе. Да, мы периодически видимся, но я не ЕГО девушка. Я никому не принадлежу, кроме самой себя.
- Так вы встречаетесь?
- Да, но меня это ни к чему не обязывает, – она начинала сердиться.
- Извини, но я должен понимать, что между вами происходит. – в этот момент мне стало значительно легче. – Откуда ты?
- Я из Портленда.
- Из Портленда? Шон рассказывал, что один из бывших партнеров Найджела как раз переехал туда.
- Найджел о нем ничего не говорил.
- Странно.
- Я очень не люблю вспоминать о том, как я жила раньше, – Карма явно испытывала неловкость от сказанного.
- Почему?
- Я слишком долго терпела издевательства своего отца. Он умер более трех лет назад, но я до сих пор его ненавижу. Он сел пьяный за руль и попал в автокатастрофу. Я была несказанно рада этому, но потом поняла, что больше никогда его не увижу. К тому же он был единственным человеком в семье, кто приносил хоть какие-то деньги. Я с трудом смогла устроиться на работу, но ввиду некоторых обстоятельств решила переехать сюда, в Нью-Йорк. Об остальном я даже не хочу рассказывать, извини.
- Все в порядке, правда. Я очень рад, что сейчас твоя жизнь наладилась и все в прошлом, – в этот момент я начал поглаживать кончики ее пальцев.
- Вначале она отвечала взаимностью, но потом резко убрала руки и серьезным видом произнесла:
- Послушай, нам нужно серьёзно поговорить.
- Выражение ее лица испугало меня.
- О чем?
- Я всё знаю.
- Что именно?
- Прекрати. Я знаю, что ты ненавидишь Найджела.
- Ты путаешь... – в этот момент мое сознание медленно угасало, я будто опускался на дно самого себя. Меня начало тошнить.
- На вечеринке я заметила, как ты со злобой смотрел на него. Вы казались полными противоположностями, но неожиданно стали коллегами и очень сблизились. Сначала на работе. Очень удобно ты устроился аналитиком, не имея должного образования (откуда она это знает?). Затем вы начали видеться вне работы. Человек, который не так давно сидел в уголке, вдруг начал ходить по барам и клубам, причем только с Найджелом. Ты стал его акулой, хотя своих коллег, которые работают дольше него в Hermann Heismann, он даже не помнит по именам.
- Я решил изменить свою жизнь, – ответил я дрожащим голосом.
- Да неужели? – скрестив руки на груди, усмехнулась Карма.
- Я не понимаю, к чему ты клонишь? – внутри меня начала вспыхивать ярость, я хочу воспользоваться Кармой и покровсать ее ножом. Сделав глубокий вдох, я прихожу в норму.
- Послушай. Я разделяю твои чувства, – ответила она слегка взволнованно, – пойдём ко мне, поговорим наедине.
- В кафе действительно стало шумно.

Мы вызвали такси и отправились к ней. Она жила в весьма неплохом доме. Я расплатился с таксистом, открыл дверь и пропустил Карму вперед. Мною овладевала похоть. Мы зашли в дом и она вызвала лифт.

Шестой этаж. Наиболее открытыми к сексуальным экспериментам являются люди, профессии которых тесно связаны с необходимостью проводить подсчеты, например, кассиры, финансисты, бухгалтеры.

Пятый. Австралийские аборигены в качестве приветствия трогают пенис собеседника.

Четвертый. В момент сексуального взаимодействия мужчина не думает о последствиях, поскольку все его мысли и чувства заняты лишь желанием добиться удовлетворения.

Третий. Мужчин больше, чем женщин, привлекает изображение анонимного, механического, анатомического, похотливого и группового секса, особенно сцены, где женщины молоды и подвергаются насилию, унижительному обращению или другим образом используются как чисто сексуальный объект.

Второй. Женщины, читающие любовные романы занимаются сексом в два раза чаще тех, кто этого не делает.

Первый.

Мы заходим. Очень близко друг к другу. Она жмет на кнопку «десять». Я не смотрю на нее. Царила неловкая тишина. Я чувствую тепло ее тела. Я хочу вцепиться в нее зубами. Сердцебиение раскачивает меня из стороны в сторону.

Наконец мы оказались на нужном этаже. Она выходит первая. Я следую за ней. Открыв дверь, Карма включает свет в коридоре и пропускает меня вперед. Я у нее дома. Я зашел дальше, чем Найджел.

– Присаживайся, – указывая на диван, сказала Карма.

Я сел. Сердце бешено колотится. Она зашла в спальню. Через пару минут она вернулась уже босиком и села рядом. Ее лицо освещает только луна. Взяв меня за руку, она посмотрела на меня и сказала:

– Я понимаю, почему ты хочешь его убить.

– Что за бред? С чего ты это взяла?! – по моей спине пробежали мурашки.

– Он слишком успешен и надменен. Он давит на тебя своим благополучием. Ты всю жизнь подавляешь свою агрессию, которую тебе хочется выплеснуть. Не так ли?

– Да, – сдавленно ответил я.

– Я тоже! – судя по ее голосу, она начала плакать. – Я тоже хочу убить его!

– Но почему? Да и зачем вы тогда встречаетесь?

– Он убил мою подругу, – Карма разрыдалась и подалась в мою сторону.

Я обнял ее. Пока она плакала на моей груди, я пытался осмыслить ее слова. Найджел – убийца? Этот выскочка? Нет, он слишком идеален для убийцы. Может быть, она перепутала? Я обратился к Карме:

– Как и когда это произошло?

– Два года назад мы работали в кафе с Молли. В один из вечеров пришел ОН. Найджел – такой человек, на которого невозможно не обратить внимания. Молли он сразу понравился, поэтому она ринулась к его столику. Спустя двадцать минут он расплатился, подошел к ней и шепнул что-то на ухо. Она покраснела и расплылась в улыбке. После окончания смены Молли быстро взяла сумку и покинула кафе. Она собиралась к нему. На следующий день она не вышла на работу. Утром того же дня меня уже допрашивали полицейские. Именно они и сообщили мне, что она мертва. Кто-то нанес ей несколько ударов ножом в шею, и изрезал грудь и лицо. Ее изуродовали уже после того, как она была мертва.

– Почему ты решила, что это именно он? – я до сих пор не верил в то, что говорила Карма.

– Разве это не очевидно? Он позвал ее к себе, а когда все пошло не так, как он хотел, убил! И почему он не попросил Келли подвезти ее? Я узнала на днях от Найджела, что Келли

в то время частенько брал отгулы, что довольно странно для него. Быть может, Найджел еще кого-нибудь убил, – она буквально рычала от злости.

– Успокойся, пожалуйста. Возможно, Молли пошла не к нему. Вдруг, у нее возникли проблемы, поэтому ей пришлось уйти пораньше.

– Её тело нашли в квартале от дома, где живет Найджел, – сухо ответила она. – Послушай, я понимаю, что все это неожиданно для тебя, но я хочу попросить тебя кое о чем.

В этот момент она села ко мне на колени и обняла за шею.

– О чем же? – я был готов на все ради близкого человека.

Она посмотрела мне прямо в глаза и повелительным тоном произнесла: – Убей... убей Найджела. И я буду твоей до конца жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.